

К юбилею Абхазского театра

Е ИДЕАЛЫ романтического и прекрасного в самом раннем возрасте — это Гунда Прекрасная и Спящая Царевна, сказочные феи — в юности, а затем и на всю жизнь — Камачич, Джульетта, Наташа Ростова... Этери Когония не сыграла ни одну из них, но почти все сыгранные ею положительные героини чем-то родственны этим образам.

Широк диапазон творческих возможностей актрисы. За более чем двадцатилетний творческий путь она создавала такие полярно противоположные по своей сути и характеру образы, как утонченная грузинская аристократка Нино Чавчавадзе и остро сатирическая Домештина в «Золотой троице» М. Чамагуа, отважная разведчица Лариса в «Бессмертных» Ш. Пачалия и поборница всех порочных сторон уходящего прошлого, сочно смакующая сплетни махровая мешанка Ашура в «Горянке» Р. Гамзатова, Мари-Октябрь — женщина

высокого интеллекта и посморошь размашистая, жадная сквальга Бабариха в «Снегурочке»... Это далеко не полный перечень актерских работ Э. Когония. И важно то, что при всей многогранности ее актерской палитры главной темой творчества актрисы, «темой сердца» стали образы цельных и незаурядных женщин, способных на высокие страсти и чувства.

В самом начале творческого пути Э. Когония как бы его предназначением явилась роль Нино Чавчавадзе в спектакле Тбилисского русского драматического театра им. А. С. Грибоедова «Пламенный мечтатель» М. Мрвелишвили. И, конечно, не случайно студентка Э. Когония оказалась на сцене рядом с маститыми мастерами сцены, народной артисткой СССР Н. Бурмистровой, народным артистом Грузинской ССР И. Русиновым.

И не просто рядом была она с ними, а играла в пьесе главную роль: Нино Чавчавадзе стала исторической личностью именно как женщина богатой и возвышенной души, способная на глубокую любовь и непоколебимую преданность своим чувствам, своему любимому. Выбор режиссера пал на Э. Когония, тогда студентку Тбилисского университета и абхазской группы актерского факультета Грузинского театрального

института им. Ш. Руставели именно потому, что для этой роли искренность в выражении первозданных, чистых чувств, трепетное изучение их зарождения были важнее других актерских качеств, дающихся опытом и мастерством.

Незабываем образ Сыфын, созданный Э. Когония

рома имению такой Ларисы, какую ее играла Э. Когония.

А вот актриса уже в роли крестьянской девушки Амры в спектакле «Перед рассветом» А. Лагвила. Все здесь — страстная любовь, бесстрашие, самоотверженность даны открыто, первым планом, и актриса живет этими чувствами ши-

е все происшедшее между ней и Петрусом, решив порвать с ним, уехать, чтобы их любовь осталась чистой. Она собирает вещи к отъезду. Актриса в совершенстве передала авторскую ремарку: «Лида совершенно спокойна, как вулкан перед извержением, клоночущий незримым внутренним огнем». Но на вокзале ее прорвало, и вулкан начал извергать неудержимую лаву чувств. Лида лихорадочно, на предельном накале загадывает: «Прежде чем прогудят семь раз — он придет. Вот увидите!». Она считает паровозные гудки и

пей. Ей мучительно больно за него. Но нет! Она не разлюбила его. Лида — Э. Когония в какой-то миг словно надломилась от сильного удара, но тут же сила кипевшего внутри чувства выпрямила ее. Лида, как и Амра, погибает, гордая своим чувством, верная ему до конца. Это очень талантливо показано автором и актрисой в финальных ретроспекциях, когда Лида, уже зная, что погибнет, все равно идет на свидание с Петрусом, ибо она любит!

Спектакль Абхазского театра «Современная трагедия» Р. Эбралидзе — также в постановке Н. Эшба — занял первое место на республиканском смотре 1961 года, как лучший спектакль года.

Открытием новых возможностей таланта актрисы стала роль Мари-Октябрь в одноименном спектакле. Во всех предыдущих ролях Э. Когония, создавая образы ведущих персонажей, или сама была двигателем действия, или же главным объектом, на который были направлены действия всех персонажей. В силу этого все моменты пребывания актрисы на сцене были до предела перегружены. В «Мари-Октябрь» сценические обстоятельства выглядят иначе. В этом спектакле все персонажи равнозначны по масштабу своего влияния на ход событий. У Мари-Октябрь не больше действий, чем у дру-

гих персонажей. Но внимание зрителей, в основном, сосредоточено на ней — даже тогда, когда на первый план выдвигаются другие герои. Более того, мы как бы смотрим на все происходящее глазами Мари. Актриса живет на сцене одной мыслью: преступление должно быть наказано. Кастиль должен быть отомщен во имя торжества справедливости на земле. Передавая с высокой степенью художественности главное в своей героине — силу духа и чувства, актриса не упустила из внимания и внешние признаки характера француженки — ее элегантность, чувство юмора, стремление привлекательной.

Роль Антигоны в одноименном спектакле по льссе Н. Ануйя — и снова новые краски. И так всякий раз, с каждой новой ролью, год за годом сценического творчества. Еще рано писать об Этери Когонии в порядке лестничного комплимента, что она в расцвете творческих сил. Она вместе со старшими коллегами, ровесниками и младшими талантливыми художниками абхазской сцены — в творческом активе театра. Благодарные и любящие зрители ждут от Этери Когонии новых ролей, новых сценических открытий.

Э. СИМ-СИМ, инспектор Министерства культуры Абхазии.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖИЗНИ, ПРОЖИТЫЕ НА СЦЕНЕ

в спектакле Абхазского театра «Тайфун» Иас Юй. Сам спектакль, содержание пьесы уже почти позабыты. Но остался в памяти образ чистой и страстно влюбленной девушки Сыфын в исполнении Э. Когония, обогативший, придавший истинную драматичность в общем-то схематичной, мелодраматичной пьесе.

Образ истинной патриотки нашей Родины создала Э. Когония, играя Ларису в «Бессмертных» Ш. Пачалия. Ее героиня живет и действует в постоянном напряжении душевных сил, попадает в ситуацию невероятной трудности, почти безвыходные, но сила воли, отвага, любовь к Родине помогают ей выстоять. Зритель верит в ге-

нруга на самом деле появляется Петрус. Каким сиянием озарила актриса зрительный зал! И тут же показанные слова Петруса горячью полоснули по ее лицу. Мы видим: это не простая обида обманутой девушки — любимый, за которого она, не задумываясь, отдала бы жизнь, сам погубил себя, сам растоптал себя перед

Э. Когония — Ева была душой спектакля. От сцены к сцене актриса подготавливалась свою героиню к подвигу. Поэтому зритель, на глазах которого шла эта сложная работа, рождался образ, поведил ей: актриса, сама убежденная в правоте подвига Евы, сумела убедить зрителя силой и искренностью своих чувств, внутренней оправ-